

Часть первая

Глава 1

Она проснулась, сладко потянулась, но глаза оставила закрытыми. Дала себе еще минутку понежиться, перед тем как вскочить. Ленка знала, что уже опаздывает. Будильник она проигнорировала, поэтому проспала.

— Прудникова, ты все еще дрыхнешь? — послышался удивленный мужской голос. — Как так? Тебе к девяти на работу!

— А времени сейчас?.. — спросила она, уткнувшись лицом в подушку. Даня отнял у нее десять секунд безмятежности.

— Пять минут десятого.

— Вот черт! — подпрыгнула на кровати Ленка. Не предполагала она, что встала настолько поздно. Будильник она заводила на семь сорок пять. — Я не могу опоздать на целый час. У меня испытательный срок...

— Знаю. Поэтому думал, что ты уже уехала на работу.

Душ можно не принимать, просто умыться, почистить зубы. Не завтракать, выпить лишь кофе. Впрочем, и от него лучше отказаться. Хватит и стакана воды. Значит, на сборы она потратит всего десять минут, но ей добираться до работы минимум полчаса. Сейчас дикие пробки, а до метро далеко.

Ленка подбежала к Дане и запрыгала, как просящий лакомства щенок.

— Прудников, выручай! — проскулила она.

— Э нет, давай сама. Я только пришел со смены, умираю, хочу спать.

— Умоляю!

— Блин, мы два месяца как развелись, а ты по-прежнему на меня рассчитываешь.

— Но мы же расстались друзьями, — напомнила Ленка и помчалась в ванную. Была уверена, Даня ей не откажет. — А еще вместе живем! — крикнула она из-за двери, которую только прикрыла. Они так долго были парой, что перестали друг друга стесняться.

— Ты все равно уже опоздала, — ответил он и последовал в кухню, чтобы взять из холодильника банку энергетика.

— Да, но еще есть надежда успеть до прихода начальника, — отвечала она с набитым мятной пеной ртом. — Он не является к самому открытию.

Даня залпом выпил энергетик, смял банку, кинул ее в картонный ящик, стоящий за плитой. Он собирал их, потом сдавал. Привычка, оставшаяся со времени голодного детства. Но тогда Даня сдавал банки, бутылки, чтобы заработать, и только теперь же еще заботился об окружающей среде. Он весь мусор сортировал. И Ленку приучил к этому.

— Я готова! — выпалила она, выскочив из ванной уже в спортивном костюме. Вчера она отправила его в корзину для грязного белья, но решила, что еще один раз наденет. Одежду на предстоящий день Ленка с вечера не готовила. В отличие от правильного Дани.

— За что я тебя люблю, Прудникова, так это за умение быстро собираться.

— Все еще?..

— Как друга — да. — Он чмокнул ее в макушку, проходя мимо. В прихожей он обулся, естественно, воспользовавшись ложечкой, взял шлем. — Я пошел, догоняй.

— Да я готова. Только обуться осталось. — И она стала натягивать на ноги кроссовки. Даня посмотрел на нее с осуждением. — Да, я их не помыла. Но все равно же заляпаются.

— Ты неисправима, — закатил он глаза.

— Вот именно. А ты продолжаешь меня тыкать носом в мои, как ты считаешь, недостатки. Я пыталась измениться. Меня хватает на месяц.

— Ой, не льсти себе. На неделю от силы. Неужели так трудно с вечера помыть обувь, приготовить одежду, собрать сумку?

— Хватит того, что я мусор сортирую и сразу мою тарелки из-под гречи.

— Вот и все, чего я от тебя добился за семь лет, — продолжал бубнить он.

Нудил Прудников не всегда, только если хотел спать, а ему не давали. Работал он барменом в ночном клубе на Рублевке. По восемь часов стоял за стойкой, разливал напитки, смешивал коктейли, раскручивал посетителей на самую дорогую выпивку, шутил, заигрывал, выслушивал пьяный бред, сглаживал конфликты, уклонялся от стаканов, что периодически кидали в него те, кого было уже не унять. Даня дико уставал за смену, а потом еще домой добирался полтора часа. И это после того, как приобрел мотоцикл,

а когда на машине ездил, не укладывался в два. Но оно того стоило! Бывший Ленкин муж мог заработать за ночь столько, сколько она за две недели. Не каждая смена бывала такой денежной, но в любом случае за месяц Прудников поднимал пару сотен. Благодаря этому смог купить квартиру. В ипотеку и в строящемся доме, и все же. Сдать его обещали к концу года, а пока он жил вместе с Ленкой.

Познакомились ребята давным-давно, когда ей было шестнадцать, а ему семнадцать с половиной. Дружили. Ни о каких романтических чувствах речи не шло. Оба выживали, как могли, помогали друг другу. Ленка детдомовская, Даня из полной, но неблагополучной семьи, в которой родители пили, дрались, плевать хотели на детей. Отец попадался на мелких кражах, за что трижды сидел, а мать рожала. Тоже трижды. Столько же сделала аборт. А скольких не выносила, сама не помнила. Старший сын Прудниковых пошел по стопам отца. Напился, грабанул магазин, сел. Сестра сбежала из дома с дальнобойщиком в четырнадцать да сгинула где-то. Даня же решил стать апельсинкой. От осинки, говорят, они не рождаются, но парень своим примером намеревался доказать обратное. Он переехал из области в столицу, едва получив паспорт. Работал нелегально, жил где придется.

Когда Ленке государство выделило квартиру, переехал к ней. Летом спал на балконе, зимой в прихожей — она была больше кухни. Как только Ленке исполнилось двадцать, они фиктивно поженились. Это нужно было для того, чтобы она смогла улучшить жилищные условия. Вскоре она получила пусть пло-

хонькую, но двушку. У обоих были отношения. И у него, и у нее большие. Друзья юности обсуждали их за кружечкой безалкогольного пива. Даня совсем не употреблял спиртного. Он верил в генетическую предрасположенность к болезням и боялся стать алкоголиком. Ленка бухала с двенадцати, но смогла через десять лет завязать. Выпила свою цистерну, как она говорила. Да и работе «синька» мешала. Но любовь к пиву осталась. Именно им они, детдомовские дети, обычно накидывались, покупая под него кильку пряного посола. С повреждениями, не всегда свежую. В больших пластиковых ведрах. Иногда ее просто списывали, как просрочку, и выкидывали. А они подбирали. Брали ржаной хлеб, всегда мягкий, ароматный, на него они деньги находили, как и на пиво, и устраивали пиры.

Пряной килькой и солодом отдавал первый поцелуй Ленки и Дани. А секс был напитан ароматом лилий. На них они им занялись. Ленка тогда торговала в круглосуточном цветочном, Даню устроила ночным охранником. Лил дождь. Ни одного покупателя. Она составляла букеты из умерших лилий, которые нужно было срочно продать, лепестки опадали, усти-
лали пол...

На нем — на них... Они и занялись любовью. И уже утром, закончив смену, поехали к Ленке домой, чтобы жить как муж и жена. Не фиктивные — настоящие.

Круто было первые два года. Третий нормально. Четвертый терпимо. Когда оба поняли, что они все еще любят друг друга, но лишь как друзья, решили развестись. Год еще с этим тянули, потому что штамп в паспорте никому не мешал. Подали заявление, ког-

да Ленка влюбилась. Да так, как никогда. До потери пульса, как говорили в ее детстве, а по факту — до утраты здравого смысла. Ее избранник говорил, что хочет жениться на Лене. Даню считал ее братом. Неудивительно, потому что они не только жили вместе, имели одну фамилию, но и были внешне похожи. Прудниковы развелись. Ленка приготовилась к новому браку и к переезду в квартиру любимого, но...

Ее обманули! Наговорили именно тех слов, которые хочет услышать каждая женщина. В браке с Прудниковым Ленка расслабилась. Забыла о том, что слова пусты и ими многие разбрасываются. Обещать не значит жениться, заявил ей тот, кого она любила до потери пульса. За это получил в морду. За что она поплатилась — ее уволили с работы. Что опять же неудивительно, ведь она ударила своего непосредственного начальника.

Новое место Ленка не сразу нашла. Потому что не искала. Страдала с месяц. Много плакала, ела... Нет, жрала! Закидывала в себя все, что казалось аппетитным. И даже напилась один раз, влив в себя литр мартини. Благо это не помогло. Прорывавшись, проплевавшись, взяла себя в руки. И через две недели устроилась на новую работу.

— Прудникова! — прокричал Даня, направив мотоцикл на стоянку перед спортклубом «Валькирия». — Твой босс подъезжает!

Он знал автомобиль директора — оранжевый мини-купер. Эту машину считали бабской или гейской. Все, но не Борис Малов, директор спортклуба. Он называл свое авто тигром. И нарисовал на боках черные

полосы, чтобы все понимали, что за тачка несется по городской саванне.

— Давай к заднему входу, — скомандовала Ленка. Даня сделал маневр, и двухколесный конь обогнул здание.

Когда мотоцикл остановился, Ленка чмокнула бывшего мужа в щеку и понеслась к двери. Знала: та не закрыта, потому что те работники, кто не на ЗОЖе, часто бегают на улицу курить. Она успела вовремя. Едва к стойке ресепшена подскочила, как Малов зашел в фойе. Хмуро со всеми присутствующими поздоровавшись, удалился в свой кабинет.

— Опять не с той ноги встал, — заметила администратор Вера.

— Скорее не с той кровати, — хохотнул тренер по танцам Валера. — Его Мальвина выставила, и наш Карабас к себе в Химки вернулся.

Мальвина была молодой вдовой старого бандюгана. Владела спортклубом, жила в центре и до недавнего времени встречалась с Маловым, которого персонал «Валькирии» прозвал Карабасом. Весть о том, что он получил отставку, разнеслась еще вчера, но тогда Вера была выходная. Танцор и администратор принялись сплетничать, а Ленка, налив себе кофе, отправилась в раздевалку. До первого занятия оставалось двадцать минут, она успеет сполоснуться и натянуть лосины с майкой.

Прудникова была тренером по пилатесу, стрейчингу и йоге. Проводила занятия с беременными. Но это в последнее время. До этого занималась кикбоксингом: не только работала инструктором, но и участво-

вала в любительских поединках. Когда поняла, что этот спорт делает ее злее, переквалифицировалась.

На то, чтобы подготовиться к первой тренировке, ушло пятнадцать минут. Не успела Ленка только перекусить. А в животе урчало. Ей бы хоть батончик протеиновый съесть, но лучше не злить Карабаса. Увидит, что она прохлаждается, в лучшем случае наорет. А может и уволить. По словам сотрудников клуба, он со стажерами был очень суров. Считал, что они должны небеса благодарить за то, что их взяли в «Валькирию». Клуб был исключительно женским, очень дорогим, и пользовался популярностью у жен богачей. Любовницы их посещали другие места, те, куда ходили мужчины. Там они присматривали себе или новых папиков, или мальчиков для сексуальных утех, в то время как почтенные супруги олигархов могли спокойно заниматься в «Валькирии». Они, как правило, были культурны, старательны и, что главное, щедры. Любимым тренерам делали хорошие подарки на праздники. Тот же Валера, очаровательный гей, косящий под мулата (еженедельные походы в солярий, филеры в губах, черная краска для волос и афрокосячки делали свое дело), получил на день рождения с десятков коробок из ЦУМа. В них одежда, обувь, украшения от известных брендов. Они потянули на восемьсот тысяч. Валера, не будь дураком, сдал все эти подарки в ЦУМ, где работал его парень, купил себе на рынке «Садовод» подделки, а на вырученные деньги приобрел пусть подержанный, но бодренький автомобиль «Ситроен».

Ленка провела одно занятие за другим, сделав перерыв на ланч. После обеда еще тренировка для

будущих мамочек — и до вечера она свободна. Можно в хаммаме посидеть, в бассейне поплавать. Ленка вышла из здания, чтобы купить себе нормальной еды. Хотелось блинов с начинкой из творога. Они продавались в ближайшем супермаркете. Готовые, с пылу-жару. Их можно было съесть прямо там, за столиком, и запить простоквашей. Ленка скрывала от своих коллег тот факт, что она неправильно питается. Фитнес-тренеры едят блины только на Масленицу, а она — когда хочется.

Предвкушая трапезу, Ленка шагала к магазину, но ей преградила дорогу какая-то пьяница.

То была женщина неопределенного возраста, худая телом, полная лицом. Волосы рыже-седые, собранные в хвост на макушке. Одежда давно не стиранный, но качественная, некогда модная и, скорее всего, дорогая.

Ленка попыталась обойти пьяницу, но та остановила ее окликом:

— Не узнала?

Прудникова остановилась, обернулась. Встретилась глазами с женщиной. А их с другими не спутаешь: один карий, другой голубой.

— Богема? — ахнула Ленка.

— Мы же договорились когда-то забыть о кличках.

— Да, точно. Элиза, прости, я не узнала тебя.

— Я так сильно изменилась?

— Да, — не стала обманывать ее Ленка.

— Ты тоже. Но, в отличие от меня, в лучшую сторону.

«Я очень долго над собой работала ради этого результата», — хотела сказать она, но оставила слова

при себе. Они прозвучали бы как укор. Поэтому спросила:

— Ты живешь где-то неподалеку?

— Ага.

— Все в той же квартире? — подивилась Ленка. Элиза росла в хоробах на Тверской. Ее дед был известным советским композитором, отец — скрипачом, а мама-танцовщица — музой молодого художника Паскаля. С ним она ездила по международным выставкам и с ним же осталась в Париже, забыв о муже и дочери навсегда.

— В одной комнате. Остальные пришлось продать.

— Какую оставила себе?

— Кабинет деда. Все в нем напоминает мне о том времени, когда я была счастлива.

— Не хочешь перекусить? Я направляюсь в «Спар» за блинчиками.

— Если угостишь — поем. Я забыла кошелек дома. — И спрятала свои удивительные разноцветные глаза. Не хотела врать в лицо подруге юности, как и признаться в том, что денег у нее нет совсем.

— Конечно, пойдём.

Они направились к супермаркету. Элиза шла нетвердо, хоть от нее и не пахло алкоголем, только тухлыми духами. Заметив Ленкин взгляд, она пояснила:

— Ногу сломала в прошлом году. Кость неправильно срослась, теперь прихрамываю. А как твои кисти?

— Болят, — коротко ответила Ленка. Они тоже были сломаны когда-то. — Но я уже этого не замечаю. К боли привыкаешь.

— Ты всегда была сильнее меня. Поэтому осталась человеком. Я чуть в обморок не хлопнулась от радо-

сти, когда увидела тебя на рекламном плакате «Валькирии».

— Я там стою на голове. Причем на заднем плане. Как ты могла меня узнать?

Богема пожала плечами.

— Ты ко мне пришла в клуб, не так ли? — осенило Ленку.

— Да. Но меня не пустили. Пришлось ждать у входа.

— Что случилось, Богема? — Пятнадцать лет назад они договорились не только забыть о кличках друг друга, это ерунда. Главное — решили перестать не просто дружить, а даже общаться. Похоронить прошлое. Начать новую жизнь. Но если в ней им суждено будет пересечься, обращаться друг к другу по имени.

— Нечто ужасное. Но я пока не понимаю, что именно.

— Как туманно, — пробормотала Ленка.

— Одно скажу точно: прошлое вернулось! Восстало из могилы. Мы все снова в опасности.

Глава 2

Мара стояла у зеркала, смотрела на свою новую татуировку на плече и хмурилась.

— Не нравится? — забеспокоился мастер. Он робел перед Марой, как многие мужчины. Она наводила на них ужас своими повадками гопника и обезоруживала невероятной красотой.

— Прежняя просвечивает, — сердито ответила она. Мара забивала старую, тюремную. По глупости сделала несколько наколок, когда отбывала срок, сей-

час от каких-то избавлялась, а некоторые видоизменяла.

— А, это не страшно, — выдохнул мастер облегченно. — Мы не весь контур залили. Когда доделаем, будет идеально.

— Я не тороплюсь, доделаю сейчас.

— Рисунок сложный, могу все испортить. Потерпите две недели.

— Неделю.

— Не успеет зажить.

— На мне, как на собаке, — отмахнулась Мара. —

Так запиши меня на следующий понедельник.

Спорить с ней мастер не стал. Заклеил ей татуировку, дал несколько наставлений и пожелал доброго дня. Когда Мара вышла из кабинета, облегченно выдохнул. Те два часа, что он бил тату, ему казалось, что клиентка крепко держит его за яйца и если что-то пойдет не так, выкрутит их, а то и оторвет.

Мара могла сделать это. Причем не метафорически — физически. Она оскопила того, кто ее изнасиловал. За что села в тюрьму на пять лет (насильник умер от кровопотери). Могла бы выйти раньше, но примерным поведением не отличалась, поэтому отмотала срок от звонка до звонка.

На воле Мара быстро себя нашла. Все благодаря красоте — пронзительной, завораживающей, противоречивой. Мара от природы была женственной, манкой, аппетитной, сводящей мужиков с ума своими формами и каштановыми кудрями, но на зоне она похудела, накачалась, остригла свои роскошные волосы и стала пределом мечтаний пассивных лесбиянок и бисексуалок. С первыми она старалась не

связываться. Они сразу начинали ее рассматривать как потенциального партнера для жизни, а Маре не нужны были серьезные отношения. Но переспать с ищущей острых ощущений девушкой-би она была не прочь. Удовольствия ей это не доставляло, но было не противно. Не то что с мужиками. Мара знакомилась в тематических клубах с богатыми дамочками, проводила с ними ночь, брала за это деньги и неплохо себя обеспечивала. В итоге она нашла покровительницу, жену депутата Мосгордумы. Та любила супруга, уважала его, но поскольку он с ней не спал, а ей бабе-ягодке в самом соку секса хотелось, то она решила найти партнершу, которая бы доставляла ей удовольствие. Это, как она считала, не большой грех. Мужчины секс с женщиной изменой не считают. Тем более он без любви, а лишь по симпатии.

Мара ей понравилась. Сначала внешне, потом и как человек. Со сложным характером, искалеченной судьбой, темным прошлым, порочным настоящим. Мара и Кара (Карина) стали настоящими подругами. Секс присутствовал в их отношениях, но его становилось все меньше. Он сошел на нет, когда у Кары начались проблемы со здоровьем. Мара поддерживала ее. Ходила с подругой по врачам. Дежурила у постели прооперированной Кары, тогда как ее муж лишь иногда навещался, а учащийся в Лондоне сын звонил по видеосвязи. И отправилась бы вместе с ней в израильскую клинику, где больную обещали поставить на ноги, если б была выездной.

Все это время Кара помогала ей деньгами. Ненавязчиво. И не обидно. Когда Мара перестала при-

нимать их, вдохновила ее на открытие собственного бизнеса. В первую очередь дала ей поверить в себя, а уж потом ссудила энную сумму. Одолжила то есть. Сказала, вернешь, когда отобьешь деньги, я в тебя верю.

Кара умерла в Израиле, и там же ее похоронили. Маре не только не пришлось возвращать долг, она еще и получила в наследство небольшую квартирку. Обо всем этом она узнала от душеприказчика покойной. Оказалось, Кара знала, что безнадежна и едет на Землю обетованную умирать.

Ни по кому Мара так не плакала, как по ней. Ни по погибшей матери, ни по своему ребенку, скончавшемуся в трехмесячном возрасте, ни тем более по себе, битой, ломаной, истерзанной еще в юном возрасте. Она так тяжело переживала утрату, что хотела отказать от квартиры, бизнеса. Как будто этим она могла вернуть Кару. Спасибо той. Явилась во сне и погрозила пальчиком.

Благодаря ей у Мары сейчас все более или менее хорошо. Сниматься она перестала давно, сразу после того, как их отношения с Карой перешли на новый уровень, бизнес начал-таки приносить прибыль, квартиру она под себя обустроила. В планах было родить дочку, толстоляхую, щекастую Машку, завести собаку и попугая-ару, а еще съездить в Израиль, чтобы навестить могилку Кары.

Тату-салон Мара покинула в полдень. Вызвала такси и поехала на работу. Сама она не водила авто и не собиралась учиться и сдавать на права, как и покупать машину. Если она когда-нибудь разбогатеет, то просто начнет пользоваться такси бизнес-класса.

Но только не метро. На нем Мара не ездила никогда. В период безденежья каталась на автобусах, лишь бы не спускаться под землю. Едва она ступала на эскалатор, как начиналось удушье. В памяти всплывали картинки из прошлого: ее бросают в пересохший колодец, затем отверстие закрывают листом железа. Мара должна была умереть там, но чудом выжила. Небеса послали двух девочек-подростков, услышавших ее слабые крики. Одну звали Элизой, вторую Ленкой. Богема и...

Впрочем, неважно. Они поклялись забыть о своих кличках навсегда!

Мара доехала до ателье, где нанятые ею швеи строчили спецодежду. Она сама занималась этим на зоне, знала, что к чему. А также понимала, какие копейки на этом заработаешь, если будешь нормально девочкам платить. Поэтому на их предприятии еще и подделки под фирму изготавливались. Качественные, штучные. Ими занимались две зэчки, молодая и в возрасте. Первая великолепно вышивала, вручную обрабатывала края, вторая в восьмидесятых у Славы Зайцева в его модном доме работала закройщицей, вдвоем они такие идеальные вещи изготавливали, что главные дизайнеры именитых домов не отличили бы их произведения от своих.

Выйдя из такси, Мара увидела молодого мужчину с внешностью херувима. Точеные черты, небесно-голубые глаза, русые кудри. Ему чуть жирка поднабрать — будет вылитый ангелок. Но Иван, а именно так звали мужчину, был поджар. И волосы стриг коротко, но стоило пропустить поход к парикмахеру, как они начинали закручиваться в кольца.

— Привет, вредина, — поздоровался с Марой Иван.

— Салют!

— Кофейку не желаешь? — Он продемонстрировал два стаканчика из «Старбакса».

Мара взяла один и, бросив «спасибо», пошла дальше.

С Иваном она познакомилась месяц назад. Он снял соседний офис, в нем продавал какую-то компьютерную хрень (он говорил, что именно, да она не поняла), а иногда и ночевал, потому что с женой у него были нелады, но поставить точку в отношениях ни один из супругов не решался.

— У вас есть дети? — спросила Мара, узнав о семейных дрызгах Вани.

— Нет.

— Совместно нажитое имущество?

— Жилье снимаем, оба понаехали.

— После ссор у вас умопомрачительный секс?

— Мы им вообще не занимаемся уже несколько месяцев.

— Тогда почему не разводитесь, не понимаю?

— Мы даже и не женаты официально. Я могу просто собрать чемодан, технику и уйти. Сколько раз это делал, но оставался.

— Вопрос повторить?

— Не могу один. Готов уйти только к кому-то.

— Слабак.

— Ага. Мы, маменькины сынки, все такие. — В самокритике ему нельзя было отказать. — Возьми меня в мужья, Маринка.

— Терпеть не могу, когда меня так называют. Я — Мара.

— И вредина. Так что, возьмешь?

— Конечно, нет.

— Потому что лесбиянка и мечтаешь найти женщину своей мечты?

— Откуда ты знаешь, что у меня ее нет?

— У тебя бабий коллектив, а я обаяшка. Мне уже все обо всех рассказали.

— Не собираюсь ни с кем жить. Ни с девушкой, ни с парнем, ни с тем, кто не определился с полом. Я асексуал, Ванечка. И одиночка. В паре не нуждаюсь.

— Жаль. Ты мне нравишься. И я уверен, мы бы поладили.

Больше они к этой теме не возвращались. Но иногда болтали за кофе, играли в его офисе в компьютерные стрелялки. Маре Иван тоже нравился. Он был легким, интересным, ироничным и не робел перед ней. А еще она отмечала его красоту. «Если рожать доченьку, то от такого!» — все чаще думала Мара. Все лучше воспользоваться биоматериалом знакомого мужчины, чем обращаться в банк спермы.

Мара перво-наперво зашла в швейный цех. Проверила работу девочек, поболтала с ними. Каждой по шоколадке подарила. Всем разные, а не так, что оптом упаковку молочного с изюмом купила и раздавала. Мара знала вкусы своих швей, благо их было немного, всего десять человек. Одна любила «Баунти», другая «Аленку», третья только горький ела. Ее звезды, закройщица и вышивальщица, не признавали шоколад без коньяка. И для них приобретался тот, что с пьяной вишней или бренди. Мара не подлизывалась к девочкам. Она искренне хотела их порадовать. Но

также понимала, что работник, хорошо относящийся к руководителю, будет больше стараться.

Плечо покалывало. И это хорошо, потому что пусть слабая, но боль напоминала о том, что надо промыть татуировку и смазать ее пантенолом еще раз. Мара направилась в туалет, чтобы сделать это.

Она втирала мазь в воспаленную кожу и вспоминала сына.

Его звали Борисом, сокращенно Бо. У него был такой милый ротик, круглый, пухлый, чуть приоткрытый. Выдыхая воздух, он будто произносил этот звук... Бо!

Мара родила его от вертухая. Зона, на которую она попала после драки с двумя зэчками, была смешанной. На мужиков-надзирателей велась охота. Бабенки готовы были с любым переспать. Даже вступившие в лесбийские отношения нет-нет да срывались. Им не столько пениса хотелось, сколько крепких мужских объятий. Волосатых рук, вонь из-под мышек, колючей щетинистой щеки, что соприкоснется с твоей. По факту, другой энергетики! Мара их не понимала. Ей все мужчины казались отвратительными. Но только не Рафик. Он был высоким, мускулистым татаринком со смешливыми зелеными глазами и ногами колесом. Ему бы не дубинку в руки, а лук со стрелами. Одеть не в камуфляж, а в кольчугу. И на коня посадить. Истинный хошун, гвардеец Чингисхана. Но и без этого всего он завоевал сердца зэчек. По нему и славянки сохли, и азиатки, и пара мулаток — были у них и такие. А Рафик влюбился в Мару.

Она не поняла этого, пока на нее не накинута корейка Анита. Она была фавориткой красавца-вер-

тухая. Он пользовал многих, но ее выделял. И вдруг появилась новенькая, что затмила всех. Рафик влюбился в Мару так сильно, что боялся ее домогаться. Она оценила это. И отдалась по собственной воле спустя три месяца. Вскоре залетела, родила.

Рафик не узнал о том, что у него сынишка появился. Перевелся в другую зону, когда Мара еще на сносях была. Она понимала, что беременна, но скрывала это. Ребеночка она планировала родить только для себя. Но если бы она обратилась к доктору, Рафик понял бы, что отец именно он. Мара на позднем сроке рассекретилась. Кажется, седьмой шел.

Она мечтала о дочке, но родился пацан. Немного странный. У него, скорее всего, были проблемы со слухом, потому что он не реагировал на голоса. И все равно Мара его полюбила. А как иначе? В муках рожала, сиськой кормила, укачивала... А когда спал, смотрела на его мордашку и умилялась. Выдыхая воздух, он будто произносил: «Бо!»

Мальчик умер внезапно. От чего — непонятно. Скорее всего, из-за халатности. Он приболел, был помещен в больничку. Сильно кашлял, а с лекарствами на зоне беда. Мара растирала его грудь бальзамом «Звездочка», а себе им же мазала шею и плечо. Ребенок плакал, она убаюкивала его, таская на руках. А ее Бо был очень крупным мальчиком! Он вроде пошел на поправку. Мара не могла находиться с ним постоянно, ее рабочие обязанности никто не отменял. Пришла как-то со смены и узнала, что Боря умер. Сказали, инфекция. Но на виске синяк. Уронили ее малыша, когда укачивали.

Похоронив Бориса, Мара набила его имя. Его она свела в первую очередь. Поняла, что не нужно превращать свое тело в надгробный памятник и слишком часто вспоминать мертвецов, особенно безгрешных, пусть покоятся с миром.

— Мара, тебя к телефону! — услышала она крик своей помощницы Тома, которую все называли Том-ям — в честь тайского супа. Девушка была по матери якуткой, но для русских все азиаты похожи.

— Ответь за меня!

— Я хотела. Но сказали, по личному вопросу.

Мара вышла из туалета и проследовала в кабинет. Там находился стационарный телефон, на который по личным вопросам ни разу не звонили.

— Слушаю, — бросила в трубку Мара.

— Привет, на пиво нет?

— Простите?

— Забыла нашу любимую присказку?

— Кто это?

— Элиза.

— Кто-кто? — Она все еще не верила, что говорит с Богемой.

— Ты не ослышалась. Это я, Элиза Райская.

— С ума сойти, — выдохнула Мара. — Как ты меня нашла?

— Это было нетрудно. Ты индивидуальный предприниматель, чей бизнес работает официально. Я вбила в поисковике твои имя, фамилию, дату рождения и получила контактный телефон фирмы «KARA». — Да, Мара назвала ее в честь своей благодетельницы. — Рада, что застала тебя в офисе.

— Что ты хотела, Элиза?

- Увидеться с тобой.
— Зачем?
И услышала страшное:
— Прошлое вернулось!

Глава 3

Ребеночек сильно пинался, очень был беспокойный. Первое время Алла переживала из-за этого. То была ее пятая беременность, и ни разу она с подобной активностью малыша не сталкивалась. На обследовании поделилась с доктором своими переживаниями, тот успокоил: «Пацан в полном порядке. Вырастет каратистом!»

Да, Алла носила мальчика. Первого и, как хотелось верить, последнего. Больше она рожать не планировала. Хватит с нее пятерых.

С девочками было не легче. Скорее по-другому. Говорят, что дочери забирают красоту матери. Алла расплывалась, отекала, покрывалась пигментными пятнами, но оставалась спокойной. Быть может, потому, что ее тянуло на сладкое, и она закидывала в себя килограммы шоколада. С каратистом все было иначе. Она осталась стройной, только пузико торчало вперед, энергичной, немного воинственной. Ругалась в очередях и транспорте. Бегала за своей собакой, когда та срывалась с поводка. Уплетала чипсы, хоть ей это и запрещалось. Но после пачки «Читос» каратист успокаивался, а вместе с ним и она.

Алла любила этого малыша. Даже первенец, находясь в ее утробе, не вызывал в ней подобного чувства. Катенька завладела маминым сердцем только после

рождения. К остальным девочкам она тоже относилась спокойно. Но каратист... Он что-то перевернул в Алла. Не потому, что пацан или последыш, просто он ЕЕ ребенок. Кармически ЕЕ. Алла нравился его характер, она понимала его требования, а он ее — когда она выбивалась из сил, он затихал. Она видела его во сне, чернявенького, поджарого, с раскосыми глазками своего папы-казаха. Алла даже имя ему дала — Александр. Хотя понимала, что каратист получит другое. То, что выберет для него отец, а он назовет сына Маликом (владыка) или Хайдаром (сильный, как лев).

— Санечка, успокойся, пожалуйста, — обратилась Алла к животу. — Нам с тобой еще за Катенькой в секцию идти.

Дочка занималась художественной гимнастикой. Подавала большие надежды, поэтому даже летом, когда остальные дети отдыхали, тренировалась. Все, что Алла делала в этой жизни, было для нее. Самой ей хватило бы самого малого. Она с детства привыкла во всем себе отказывать.

Каратист внутри ее для порядка еще попинался, чтобы дать понять, кто тут главный, но вскоре затих. Алла свистнула Бонниту. Собака породы бигль тут же примчалась и стала припрыгивать. Именно такую хотела дочка, уверяла, что будет о ней заботиться. Алла купила, хоть и понимала, что Катенька быстро наиграется в мамочку милой псинки и подкинет ее «бабушке». Так и вышло. Девочка обожала Бонниту, играла с ней, но и только. Заботилась о ней Алла. Но что поделать? У Катеньки и времени на это нет. Школа, общеобразовательная и спортивная, занятия по вокалу, английский с репетитором. Ребенок тоталь-

но занят. Но по своему желанию. Алла ни к чему не принуждала. А поддерживала — во всем.

Она прицепила к ошейнику Бонни поводок и вышла из квартиры следом за собакой. Та мчалась впереди, лая, прыгая, поскуливая, хорошо, не пописывая. Научилась с возрастом себя сдерживать.

Катюшу Алла родила от нелюбимого. И это если мягко сказать. Точнее и грубее — от насильника. Она повторила судьбу своей матери. Над той тоже надругались, она затянула с абортom, поэтому дала ребенку жизнь, но не любовь. Аллу мать ненавидела, видела в ней своего насильника, била, унижала, но в детдом не отдавала по двум причинам. Первая, очевидная: из-за денег. Матерям-одиночкам пусть мало, но платили, а еще добрые люди помогали кто чем мог. Но была и вторая: через девочку она как будто мстила своему насильнику. Хлеща ее по лицу, она давала пощечины тому, кто надругался над ней.

Алла терпела издевательства долго — пока не поняла, что чаша переполняется. Еще немного, она сорвется и... Убьет мать! Она ненавидела ее так же сильно, как та свою дочь. И Алла после очередного избиения решила действовать. Мать лупила ее больно, но аккуратно. Как в ментовке, не оставляя следов. Никто и не думал, что девочку истязают. Она иногда была в синяках, но маленьких, у каких детей нет таких? А ободранные коленки или локти? Все носятся, падают. Не скажешь, что Аллочка стояла до ночи на четвереньках на бетонном полу, вымаливая прощение за разбитую чашку или грубое слово.

Мать выпивала и не работала, но она не устраивала концертов, мужиков не водила. Умело давила на

жалость. И делала вид, что заботится об Аллочке. Та всегда была пусть в поношенном, но чистеньком. При всех она угощала дочь печеньем, яблоками, пирожками. А дома морила голодом и заставляла стирать и свою, и ее одежду.

Когда ненависть к этой садистке начала выплескиваться, Алла воткнула в себя нож и побежала к соседям. Она кричала, заливала кровью лестничную клетку, теребя рукоятку, билась в хорошо продуманной истерике. Потом, когда ей открыли, лепетала, что мама не со зла так поступила, она просто воспитывала. Алла сама виновата, она порвала юбку. А под ней попка в красных полосах. Обычно к утру они проходили. Но свежими выглядели устрашающе. Алла привыкла к следам от порки на своем теле, а нормальные взрослые люди нет.

Соседи вызвали полицию и «Скорую». Мать и дочь забрали. В больнице Аллу навестил детский психолог. Девочка такого ей порассказала, что у женщины случилась истерика. А Алла при этом лишь чуточку привирала.

Мать лишили родительских прав, отправили на принудительное лечение, а дочь в детский дом. Тогда ей было одиннадцать. Больше они не виделись.

Теперь Алле двадцать девять. Она родила четверых, ждет пятого. У нее все хорошо, но только в последнее время.

...Алла вышла из подъезда и чуть не выпустила поводок, когда Боннита рванула вперед. Бигли некрупные собаки, но такие бешеные, что с ними трудно совладать. Раньше в семье Антиповых домашними питомцами были коты. Пушистые, ленивые, очень ла-

сковые. Беременная Алла валялась вместе с ними на диване и была счастлива. Но когда умер последний, ее любимец Леопольд, она завела для дочки собаку.

Родила она Катеньку от того, кого видела в будущем своим мужем. Скромный парень, приятный. Не красавец, но симпатичный. Он работал водителем грузовика, планировал выкупить его, чтобы не батрачить на дядю. Жил с родителями, но в двадцать два кто может себе позволить отдельное жилье?

Они познакомились, когда Алле было семнадцать. Разница в пять лет казалась ей идеальной. Как и период ухаживаний длиною в год. За это время они хорошо друг друга узнают, проверят чувства. Когда Алле исполнится восемнадцать, а ее парню двадцать три, подадут заявление в загс, потом поженятся. Прекрасная молодая семья получится. Если Бог даст, многодетная.

Первые месяца три все было хорошо. Они встречались, гуляли, в кино ходили, целовались на последнем ряду. Алле казалось, что она встретила своего человека. Она рассказывала ему о своем видении их совместного будущего, и он соглашался. Вроде желал того же! А оказалось, просто жаждал затащить Аллу в постель. Друзья хвалились своими любовными похождениями, и ему хотелось. Думал, с детдомовской быстро получится. Они там с малых лет трахаются. Алла оказалась не такой. Но, как считали друзья, просто притворялась целкой. Чтобы женить его, дурака, на себе.

Их отношениям полгода исполнилось, когда ЭТО свершилось! Без согласия Аллы. Но и без вопиющего насилия. Ее не били, не привязывали... Ею просто вос-

пользовались. Она не смогла справиться с высоким сильным парнем, чьи руки привыкли крутить баранку грузовика. Твердила как заведенная: «Нет!», отгалкивала, скрещивала ноги. А он только распался. Хотел думать, что это такая сексуальная игра. Друзья говорили, что женское «нет» зачастую означает «да».

Когда все закончилось, парень увидел кровь на своем члене, на ее лоне и юбочке.

— У тебя месячные? — спросил он.

— Ты лишил меня невинности, придурок! — закричала Алла. — Я берегла ее для мужа! И ты знал об этом...

— Думал, ты обманываешь.

— Теперь понял, что нет? — Он сначала пожал плечами, потом кивнул. Решил согласиться. — Теперь нам точно придется пожениться раньше срока, — решительно проговорила Алла. Она готова была простить парню его несдержанность.

— Я не против, — промямлил он.

Тогда они виделись предпоследний раз.

Тот, кого Алла рассматривала в качестве будущего мужа, начал избегать ее. Даже с работы уволился. Но она смогла подкараулить его у дома друга, где, собственно, и произошло... Таинство зачатия! Да, она сразу забеременела. Первый секс, и сразу залет. О нем нужно было сообщить отцу ребенка. Он выслушал новость, сказал, я рад, женюсь, как и обещал, но сейчас у меня проблемы, разбил грузовик, с меня требуют кучу бабок, давай через неделю встретимся тут же. Алла, наивная душа, поверила. А отец ее будущего ребенка меж тем собирал манатки, чтобы переехать на Дальний Восток. Там водители грузовиков полу-

чали больше, чем в столице, и могли рассчитывать на жилье. А главное, город, в который парень летел, был за тысячи километров от Москвы, в которой его хотела на себе женить хитрая малолетка.

Поняв, что ее обманули, девушка разозлилась. Гормоны обострили обиду. Алла стала грозить несостоявшейся свекрови. Узнала, где та проживает, заехала, чтобы сообщить, что намерена написать заявление на ее сына. Думала, та испугается и уговорит его жениться на Алле. Но где там! Женщина в ответ так застрашала девушку, что она еще долго ходила оглядываясь.

— У меня брат участковый. То есть связи в ментовке есть, — цедила тетка. — И не в ментовке тоже. Я санитаркой в травмпункте работаю. Пьяницы и наркоманы — наши постоянные клиенты. Шепну кому надо, тебя по-настоящему изнасилуют. По кругу пустят. А брат всех недавно откинувшихся на районе знает, они до баб голодные. Им только намекни, что есть доступная шмонька, а за ее пользование им ничего не будет...

— Вам не стыдно угрожать ребенку?

— Жеребенку, — фыркнула та. — Подмахнула сыну моему, чтобы женить на себе. Не от него же залетела, так?

— Нет! Я ношу вашего внука. И не подмахивала я. Хотела, чтоб все как у людей после свадьбы.

— Мне не рассказывай. Знаю я вас, шлюшек домовских.

Она много еще чего наговорила. Из ее поганого рта какой гадости только не лилось! Алла уже не хотела замуж за того, кто был воспитан этой особой. Она

покинула квартиру, а ей вдогонку летели проклятия. «Чтоб ты сдохла» было не самым страшным.

И все же Алла не пожалела о том, что сходила к несостоявшейся (слава богу!) свекрови. Она пере-загрузилась и начала думать не о себе, а о ребенке. Он ни в чем не виноват, поэтому нужно сделать все возможное, чтобы родить здоровенького.

Катюша появилась на свет именно такой. Благо переживания первого триместра не отразились на ней. Алла дала ей отчество Владимировна. В честь президента.

Было трудно. Порою невыносимо. Но Алла справилась. Сейчас и у нее, и у доченьки все хорошо. И остальные детки здоровые. А Сашенька просто от-рада мамина...

Мысль споткнулась. Теоретически да, она мать, но суррогатная. И все дети, кроме Катюши, не ее. Она просто вынашивала их, чтобы заработать денег.

Сотрудничать с центром суррогатного материнства Алла начала, когда дочери исполнилось три. Та мечтала о художественной гимнастике. Кувырка-лась, садилась на шпагат, бегала по дому с ленточ-кой. Она просила маму отдать ее в секцию. Но Алла едва концы с концами сводила, вкалывая на двух малооплачиваемых работах. И если деньги на чеш-ки и купальник она еще могла найти, то времени на то, чтобы водить Катеньку на секцию, — нет. И тут, о чудо! Позвонил их детский врач, сообщил, что уходит в частную клинику, и предложил напоследок осмотреть Катюшу. Алла удивилась (ни разу им не звонили даже медсестры), но отправилась с ребен-ком на прием. Доктор обрадовал, Катя абсолютно

здоровый ребенок. И мама в порядке, он ее карточку из женской консультации посмотрел, она в соседнем здании.

Алла не сразу поняла, к чему доктор клонит. И даже напряглась немного. Зачем ему смотреть ее карту? Что за мутные схемы?

Оказалось, не мутные, а вполне законные. Суррогатное материнство набирало популярность в России, но жаждущих завести детей с чужой помощью было больше, чем тех, кто готов их выносить. А из тех, кто изъявлял желание, отсеивалось больше половины. Алла же по первым прогнозам идеально подходила: молодая, здоровая, без зависимостей, имеющая ребенка. Родила без осложнений, никогда не болела венерическими заболеваниями и не делала аборт. Золото, а не кандидат!

Конечно, Аллочка согласилась не сразу. Месяц себя уговаривала, а решение приняла после того, как ей удвоили сумму гонорара. Сначала предлагали миллион, а в итоге она получила два. Плюс содержание на период беременности. Алла смогла уволиться с двух работ, отдать дочку на гимнастику, сделать ремонт, купить новую бытовую технику и впервые съездить на море. Пусть Черное, а не какое-нибудь Средиземное или тем более Мертвое. Но она за свою жизнь даже Волги не видела. А тут море!

На оставшиеся деньги мама с дочкой жили год. Уже неплохо. Но оказалось, два миллиона (а за минусом налога и того меньше) — это не космическая сумма. А Алла-то думала! Все, они богачи — на проценты с банковского счета смогут себе ни в чем не отказывать. Пришлось опять устраиваться на рабо-

ту. Но художественная гимнастика — дорогой спорт. Чешки и купальник — это начало. Чем дальше, тем больше трат. А Катюша бросать не собиралась...

Пришлось выносить и родить второго не своего ребенка.

На третью девочку Алла согласилась, потому что им нужна была квартира просторнее. Дочка росла, им в двадцати восьми квадратах становилось тесно.

Аллочка в юности мечтала о большой семье. Она была создана для нее, наверное. Ей легко давались роды. Она бы могла стать многодетной матерью, будь с ней рядом достойный мужчина. Но она уже им не доверяла. И держалась подальше. Вот и рожала для других.

С Имамбековыми она связываться не хотела. Обычно ей было все равно, с кем, если можно так сказать, сотрудничать. Но эта семья... Вернее, ее глава... Алле категорически не понравился!

Красивый, холеный пятидесятилетний миллионер, он смотрел на всех, как на грязь. На Аллу в том числе. Он трижды разводился. Имел от каждой супруги по дочке. В сорок семь женился в четвертый раз на юной девственнице, которая оказалась неспособной к деторождению. Но Имамбекову требовался наследник. Он отправлял свою супругу, дивную девочку восемнадцати лет, на ЭКО дважды, это ни к чему не привело. Тогда-то мужчина и обратился в центр, с которым сотрудничала Алла. Рассмотрев всех кандидатов, выбрал ее. Пригласил на беседу. В конце ее Алла ответила «нет». Она не сказала, вы мне не нравитесь, а сослалась на то, что еще не отошла от предыдущих родов.

— Я не принимаю отказов, — заявил Имамбеков, а его жена грустно кивнула. Она тоже отвечала ему «нет», но это ничего не изменило.

— У нас еще есть несколько прекрасных кандидатов, — начал лебезить перед ним главврач. Таких клиентов терять нельзя! — Даже с более высоким рейтингом.

Как бы ужасно это ни звучало, но они присваивались и людям. Курьерам, таксистам, поварам... Суррогатным матерям!

— Мне нужна именно эта женщина, — не стал его слушать Имамбеков. — Я советовался с нумерологом. Он сказал, что наследника мне подарит женщина, что появилась на свет... — и назвал дату рождения Аллы. — Так что я хочу именно ее! Деньги не важны. Назовите сумму.

Это все решило. Алла назвала такую, что даже у доктора глаза на лоб полезли. А у Имамбекова на лице ни один мускул не дрогнул.

— Приемлемо, — сказал он. — Будем приступать.

И вот теперь Алла носит сына Имамбекова. А любит его как своего!

Каратист толкнулся. Не больно, скорее ласково. Как будто ощутил, что она чувствует, и ответил ей взаимностью. Алла погладила себя по животу. До родов оставалось меньше двух месяцев. Еще есть время побыть вместе...

Залилась лаем Боннита, начала рвать поводок. Это она увидела свою мамочку. Катя спускалась по ступенькам спортшколы, с кем-то болтая по телефону. Алла отстегнула поводок. Знала, сейчас собака никуда не убежит, для нее существует лишь Катюша. Под-

летев к ней, Боннита стала проситься на руки. Но ее не сразу взяли. Катя сначала разговор закончила, потом аккуратно убрала телефон в сумку. Алла научила ее бережно относиться к вещам. Тем более дорогим.

— Салют, ма, — поприветствовала Аллу Катя. — Решила прогуляться?

— Да, ноги размять.

Квартиру она купила недалеко от спортшколы, чтобы Катя самостоятельно ходила на тренировки. Но чем старше та становилась, тем больше за нее переживала Алла. У девочки уже грудки растут, она грациозная, симпатичная... Как раз на таких Лолит похотливые старики слюни роняют! А Кате нравятся мужчины постарше. Всем ее любимым актерам за сорок. Фавориту вообще за пятьдесят. Роберт Дауни-младший ее кумир. У дочки все тетрадки с Тони Старком — Железным человеком. А еще два года назад их обложки украшали бесполые эльфы!

— С кем болтала сейчас? — спросила у дочери Алла.

— С подружкой.

— Которой? — проявила дотошность мать.

— С Лейлой.

— Я такую не знаю. Она была у нас в гостях?

— Нет, мы с ней ни разу не виделись в реале. В интернете общаемся, иногда созваниваемся по ватсапу.

— Ой, не нравится мне это...

— Ма, да хватит тебе! Сейчас это нормально, дружить виртуально. Некоторые даже отношения так строят. У нас одна девочка в секции, она постарше, ей четырнадцать, уже год общается с пловцом из Сербии. У них любовь. Настоящая!

— И что же, по интернету и поженятся?

— Почему? Встретятся когда-нибудь. Пока возможности нет.

— А у вас с Лейлой?

— Тоже. Мы на фан-сайте Железного человека познакомились. Она живет в Кабардино-Балкарии. Где-то в горах. У нее нет надежды на встречу с Робертом Дауни-младшим, а у меня есть, я же москвичка. И если он прилетит к нам, чтобы очередной фильм прорекламирровать, я пойду на встречу, сфотографируюсь с ним и ей отправлю! Вот будет радость для нас обеих...

Она еще что-то щебетала, Алла слушала вполуха. А все потому, что чувствовала взгляд. Они уже дошли до дома, и тут он, взгляд, уперся в нее. Будто коснулся. Ощущение, похожее на то, когда тебе кладут руку на плечо, желая разбудить. Не встряхнуть, а мягко вывести из сонного состояния.

Алла остановилась. Катюша вопросительно на нее посмотрела.

— Посижу подышу воздухом, — сказала ей мать.

Та кивнула и вместе с Боннитой скрылась за подъездной дверью.

После этого Алла обернулась, чтобы увидеть человека из далекого прошлого. И он сказал:

— Привет, Мелкая! Вот мы и увиделись...

Глава 4

Они зашли в прихожую, загроможденную шкафом и тумбочками. Элиза помнила ее другой: просторной, радующей глаз обоями под кирпич, зеркалом во

весь рост в золоченой раме, торшером в стиле уличного ретрофонаря. Торшер давно сломался, зеркало разбилось, обои выцвели, вздулись на швах — их никто не собирался переклеивать, и так сойдет.

— Сколько же тут живет человек? — спросила Ленка, протиснувшись между двумя габаритными пеналами. В каждом из них хранилось по полному комплекту рыболовного и охотничьего обмундирования. Они принадлежали дяде Паше, обитателю самой маленькой комнаты, в которой он держал лодку, мотор, палатку и много чего еще.

— Шестеро, включая меня, — ответила Элиза. — В бывшей детской — отставной военный дядя Паша. Рыбак и охотник. Он на Истре жил в доме. Дети его оттуда вытурили, когда землю там стали скупать по бешеной цене. Сейчас на месте его дома какой-то элитный комплекс таунхаусов. А дядя Паша тут. Купили ему дети комнату, да записали на себя. Чтоб не продал ее и не уехал в деревню. Им еще наследство его получать, — рассказывала Богема, ведя подругу к себе. — А в гостиной семья Бобковых: бабушка, мама, папа, сын. Они первыми въехали. Тогда еще ребенка не было, его только вынашивали. Я продавала комнату одинокой женщине средних лет, бабушке то есть. А она покупала квартиру целиком. Для себя и сына с супругой. Очень ей хотелось в центре жить. Две квартиры в Зеленограде продали, еще заняли...

— Стой, я не поняла, — перебила ее Ленка, они к этому моменту дошли до двери в комнату хозяйки. Ту же, что и когда-то, но уже с замком. — Они покупали квартиру целиком?

— Думали, что да. Но обманули их.

— А тебя?

— Тоже. Но я в деньгах не потеряла. За сколько продавала комнату, столько и заплатили. Правда, вместо одного соседа получила сразу трех, а вскоре четвертый, орущий, появился. Но меня хотя бы не кинули на бабки.

— Представляю, какая у вас обстановочка в доме, — сочувственно проговорила Ленка.

— Сейчас уже нормальная. Первое время войны были. — Она отперла замок, толкнула дверь. — Бобовы считали, что я в сговоре с риелторами, и вредили мне. Я детскую продала, чтобы с ними одной в квартире не оставаться. В этот раз не прогадала. Дядя Паша хороший мужик, навел порядок. И проблем с ним никаких. Он либо в комнате у себя, либо на охоте-рыбалке. А с гирляндами сушащейся плотвы да опаленными утиными тушками на балконе я легко мирюсь. Тем более рыбкой и дичью он меня с радостью угощает.

Они зашли в кабинет, где время будто замерло. В нем мебель осталась на тех же местах, что и при дедушке. Книги, картины, портьеры, проигрыватель, ковер — она все сохранила. Как и рояль, на котором сама в подростковом возрасте накорябала матерное слово из трех букв. Единственное, что поменяла Элиза, это разложила диван и застелила его бельем, превратив в полноценное спальное место. Да и за дубовым столом она не работала, а ела. И сейчас он был в беспорядке. Элиза забыла о том, что не убрала за собой посуду, что скопила за сутки. Она кинулась к столу, стала собирать тарелки с остатками засохшей еды, чашки с разводами, скомканную туалетную

бумагу, использованную вместо салфеток. Стопку спрятала в руке, а пустую бутылку задвинула ногой глубоко в угол.

Элиза пыталась завязать. И, как ей казалось, она двигалась в правильном направлении. Резкий отказ от алкоголя ей не помогал. Воздержание длилось неделю максимум. Потом она срывалась и выпивала сразу несколько бутылок. Сейчас она покупала поллитровку, делила ее на два дня. Терпела до обеда. Иногда до ужина. Чувствовала себя прекрасно. Вроде и не пьяная, но и не трезвая. Элиза надеялась, что со временем станет пить все меньше, пока не выйдет в ноль.

Сегодня она собою гордилась. Когда они с Ленкой пришли в «Спар», подруга предложила купить пива или алкогольный коктейль. Поняла, что эти напитки для нее привычнее, чем чай или ряженка. Но Элиза отказалась и попросила лимонаду. Потом, когда ждала Ленку, вернувшуюся в «Валькирию», на лавке в сквере, два мужичка-провинциала с бутылкой колы, хорошо разбавленной виски, приглашали составить компанию. Богема духом дрогнула, но опять устояла. И вот сейчас время ужина, а она трезва как стеклышко. И намерена оставаться в этом состоянии.

Она начала пить в тринадцать. Не баловаться, как ее лучшие подружки, а бухать. Воровала у папки водку, чтобы ему меньше досталось. Сначала выливала ее в раковину, потом — себе в рот. В двадцать один попала в больницу с отравлением. Отца же не довезли, скончался в «Скорой». Элиза после этого на два года завязала. Она восстановилась в институте, нашла работу и мужчину, которого всей душой полюбила. По-знакомилась в метро. Вместе выходили из вагона, он

спросил, как дойти до Пушкинской площади. Элиза проводила его. И погуляла немного с милым парнем с Урала, что приехал в Москву в командировку, оставила номер телефона.

Вновь встретились уже на следующий день. Опять гуляли, вечером пили чай у нее дома. Уралец не стал скрывать, что женат. Он сказал, если это смущает, он уйдет, и они больше не увидятся. Элиза попросила его остаться.

Начались отношения на расстоянии. Милые, романтические, по-своему прекрасные на первом этапе. Никакой бытовухи, только звонки, электронные письма, запоминающиеся встречи. Любимый бывал в Москве раз в полтора-два месяца. Приезжал на несколько дней и все свободное от рабочих моментов время проводил с Элизой. Она всегда готовилась к встрече. Придумывала сценарии и ее самой, и их последующего досуга. Подкапливала денег, чтобы хорошо угостить своего милого, подарочек купить. Он принимал это как должное. Все провинциалы считают, что москвичам деньги с неба падают. Элиза не разубеждала. Да и как это делать, живя в трешке на Тверской?

Через пятнадцать месяцев уралец ушел от жены, уволился с работы и переехал к Элизе. Бросил все ради нее. Так он это преподнес. Но оказалось, его выгнали отовсюду. Он был, как и Богема, алкоголиком в завязке. Они встретились в момент, когда их периоды трезвости совпали. И пили вместе чай да морс. Но Элизин избранник сорвался, его понесло, да так, что за месяц скатился в синее болото. Туда же и ее затасил, переехав. Стали бухать вместе, делать ставки в онлайн-казино, занимать, вляпываться в неприятно-

сти. Во всех своих бедах мужчина винил Элизу. Если б не встретила она ему, жил бы себе спокойно. Все у него было: дом, семья, работа. Но влюбился, дурак, начал разрываться и не смог с собою совладать.

— Приворожила ты меня, что ли, ведьма косоглазая? — пьяно кричал он в лицо Элизе. А потом и хлестал ее по щекам трясущейся, но сильной рукой.

Год вместе прожили. Точку в отношениях поставил уралец. Сказал: если с тобой останусь, сдохну. Ты тянешь меня на дно синего болота. Вернусь к себе домой. Если получится, воссоединюсь с семьей, нет, заведу новую.

— А как же я? — спросила Элиза дрожащим голосом. — Без тебя?

— Не пропадешь.

— Я бросила учебу, лишилась работы, мы с тобой вместе в долги влезли...

— Сдай комнату, чтобы покрыть их. Тебе повезло родиться не просто в столице, в самом ее центре. Когда мои бабка с дедом вкалывали на заводе ради отдельной комнаты в общежитии — твои жировали.

И ушел, чтобы больше не вернуться. Элиза пыталась связаться с ним, найти через соцсети, но не вышло. Чтобы расплатиться с долгами (старыми и новыми — они появились, когда Элиза заливала горе), пришлось продать комнату. Ей и на жизнь осталось. Пьяную, а иногда и веселую. Правда, поводов для радости находилось все меньше. Алкоголь стал обычным топливом, без которого Богема не могла функционировать.

— Элка, ты, если бухнуть хочешь, не стесняйся, — услышала она далекий голос. Он вырвал ее из вос-

поминаний о прошлом. — Вижу же, как тебя потряхивает.

Элиза глянула на подругу. Та смотрела без осуждения — с сочувствием.

— Нет, я бросаю, — мотнула головой Богема.

— Если денег нет, скажи, я дам.

— Ты уже днем предлагала. Я отказалась. Зачем еще раз искушать?

— Прости. — Она подошла, отобрала у нее собранную посуду, вернула ее на стол вместе с зажатой в кулаке стопкой, а потом крепко обняла. Элиза напряглась сначала, но через несколько секунд обмякла в объятиях подруги и судорожно всхлипнула. — Я чертовски рада тебя видеть, Богема. — Ленкины руки были такими теплыми, как у воображаемой мамы. Настоящая была с дочкой холодна и редко ее касалась. — Все у нас будет хорошо! Мы справимся.

— Я так скучала по тебе, Ленка, — прохныкала Элиза и уткнулась лицом в ее плечо. — По остальным тоже... Но по тебе особенно.

— И я.

Они стояли обнявшись около минуты. Пока Ленка не сказала:

— Я хочу писать.

Богема засмеялась.

— Где туалет, ты знаешь.

— Да, пойду.

— А я пока тут приберусь немного.

Когда Ленка вышла из комнаты, Элиза вытатила бутылку из-под стола и закатила ее под диван. Там уже несколько скопилось. Потом взяла грязную посуду, отнесла ее в кухню. Там Бобковы всей

семьей ужинали. Богема пожелала им приятного аппетита.

— Твоя очередь мыть ванную, — вместо «спасибо» сказала бабка.

— Я помню.

— Непохоже. Второй день вода не уходит, забита твоими волосами.

— Почему именно моими?

— Ты, как кошка, линяешь. Кругом твоя рыже-седая шерсть. Неужто не видишь, как мало у тебя на голове осталось волос?

— Мама, хватит, — одернул женщину сын. И уже Элизе: — В ванной бардак. В ней еще позавчера нужно было убраться. И унитаз в туалете почистить. Мы и так две недели дежури́м. Вам с дядей Пашей по одной достается.

— А вас и больше, — услышала Элиза за спиной голос подруги. — Так что все по-честному.

— Вы кто вообще такая? — взбеленилась бабушка. Она сегодня была в дурном расположении духа, это очевидно.

— Ваша будущая соседка. С мужем развелась, съезжать с его хаты надо, а некуда. Подруга согласилась приютить.

— Квартира не резиновая!

— Понимаю. Поэтому с собой возьму только двух котов, а песиков оставлю мужу.

— У внука аллергия.

— Придется купить побольше супрастина.

Элиза стала сдавать назад, подталкивая подругу к выходу. Незачем лишний раз с соседями цапаться. Тем более они правы. Она не убралась, совсем забы-

ла. Голова была другим занята! Но и волосами сток не забивала, потому что ванную не принимала, а ополаскивалась в отдельном тазике. Два раза в месяц Элиза ходила в общественную баню, где смывала с себя грязь до тех пор, пока тело не скрипело от чистоты. Она с детства любила баню. Дед брал ее с собой иногда и отправлял в женское отделение под присмотром какой-нибудь доброй тетечки. Илья Райский был заядлым банщиком. Покупал веники, отвар травяной делал. А после парной сидел с мужиками в буфете, пил чай с шиповником, квас, иногда пиво. Элиза находилась рядом, дула газировку.

По квартире разнеслась трель домофона.

Элиза пошла открывать дверь. Она знала, что это к ней.

— Здравствуйте, мне б хозяйку увидеть, — обратилась к Богеме Мара.

— Заходите, милости просим.

Та перешагнула через порог, стала разуваться и замерла в наклоне.

— Это ж ты, Богема?

— Ага.

— Фига се тебя жизнь потрепала. Бухаешь или колешься?

— Ты оказалась не такой дипломатичной, как Ленка.

— Ты и с ней виделась?

— Я тут, — вышла из-за пены с охотничьим обмундированием та.

— Привет, Ленка, — улыбнулась старой подруге Мара. Она очень изменилась за ту половину жизни, что они не виделись. Всем было по четырнадцать-пят-

надцать, сейчас двадцать девять — тридцать. Были девчонками, стали женщинами. Хотя Мара больше на молодого человека походила, а она, Элиза, на старушку. К ней иногда обращались «бабуля». А Ленка расцвела. И мнение Богемы подтвердилось: — Шикарно выглядишь, мать! Такая фитоняшка...

— Она тренер в крутом спортклубе, — сообщила Элиза и повела подруг к себе.

Семья Бобковых наблюдала за их передвижениями настороженно. У Элизы не бывало гостей, а тут сразу две дамочки заявились. Да наглые такие!

Оказавшись в комнате, Мара поморщилась.

— Ты чего помещение не проветриваешь, мать? — спросила она и сделала шаг к окну.

— Ой, не трогай. Тут все на соплях. — Элиза отогнала ее и осторожно приоткрыла фрамугу. — И чем у меня пахнет? Я не чувствую...

— Пылью. — Хорошо, что ею. Богема уж думала, стойким перегаром. А ведь она так гордилась тем, что научилась справляться со своим пороком. Не победила его, но обуздала. — Тащи таз с водой, тряпки, чистящее средство. Я тебе тут порядок наведу.

— Мар, не надо.

— Надо. Ты знаешь, как я отношусь к бардаку.

О да, она знала. Когда Маринка жила на даче Элизы, заброшенной, ветхой, то буквально ее вылизала. Все пересушила, выбила, отмыла, отчистила, даже покрасила окна, отыскав в подвале давно забытую олифу и скипидар.

— Но нам поговорить нужно...

— Ничего, за работой у меня рот и уши будут свободными. Тащи все!

Пришлось подчиниться. Средства для уборки стояли в кладовке. Она была небольшой, и обитатели квартиры договорились не захламлять ее личными вещами. Особенно теми, что пахнут рыбой или могут поранить — сын Бобковых туда засунул свои коньки, и они свалились на дядю Пашу, ладно, только поцарапали.

Через пару минут Элиза вернулась к себе. А там уже Мара развела бурную деятельность. Она нашла пылесос, который мгновенно перегревался и отключался, каким-то образом его разобрала и стала чистить.

— Так засрать хорошую вещь, — причитала она. — Настоящий японский пылесос. Таких давным-давно не делают.

— Он отжил свое.

— Не выдумывай. Просто забиты фильтры, и мотор перегревается. Дай тряпку.

— Мар, ты специально время тянешь? — подала голос Ленка, что сидела в кресле с какой-то книгой. — Чтобы отсрочить разговор?

— Да, — коротко ответила та и принялась яростно тереть внутренности пылесоса. — Но порядок навести тоже надо. А еще Богеме волосы покрасить, ходит как кикимора...

— Могу сбежать за краской, — сказала Ленка, захлопнув книгу.

— Девочки, нам всем грозит опасность! — вскричала Элиза. — Мы можем поплатиться за общий грех в скором времени... Так какая разница, какими мы умрем? Седыми или крашеными?

Она подошла к Маре и вырвала из ее рук трубку пылесоса.

— Кто-то знает, что мы натворили пятнадцать лет назад! — уже тихо, но яростно проговорила Богема, уставившись ей в лицо своими разноцветными глазами. — И он сделает все, чтоб мы за это поплатились!

— Этого не может быть. Та тайна похоронена.

— Да? А что ты скажешь на это? — И достала из кармана почерневшую цепочку с кулоном. Увидев его, Мара вздрогнула, а Ленка вскрикнула. Бурый Мишка. Симпатичный щекастый, в пояске с пятью кольцами. Символ Олимпиады-80 в Москве. — Узнаете?

Такой был у человека, которого они четырнадцать лет назад закопали в землю. Глубоко-глубоко...

— Мало ли таких, — пожалала плечами Ленка.

— Таких — да. — И перевернула кулон, а на обратной стороне царापина в форме молнии. Ее нанесла на металл их подруга консервной крышкой. Целилась в горло, но олимпийский мишка послужил щитом...
Временным!

— Где ты его взяла? — спросила Мара, потянувшись к кулону, но тут же отдернув руку.

— Нашла в почтовом ящике. А до этого фотографии. Ленке я уже их показывала. Теперь ты смотри. — И бросила на пол два снимка.

На одном они своей компанией, на втором — ныне мертвый человек, на шее которого болталась цепочка с олимпийским мишкой. Первое фото было у них у всех, но они избавились от каждого экземпляра, второе видели и тоже изничтожили. И вот оба перед ними. И они проткнуты. На групповом у каждой де-